

А. В. Кузнецова

Еще одна псковская грамота XIV—XV вв.

Псковские грамоты, в силу своей близости к живой речи, являются важнейшим источником по истории древнепсковского диалекта. В целом псковская деловая письменность представлена Псковской судной грамотой, четырнадцатью грамотами, изданными С. Н. Валком в составе «Грамот Великого Новгорода и Пскова» [Грамоты 1949], и тридцатью грамотами, обнаруженными Л. М. Марасиновой в столбцах из архива Поместного приказа по городу Пскову и столбцах из архива Поместного стола Псковской приказной избы.

В подавляющем большинстве это списки XVII—XIX вв. с грамот XIV—XV вв. Наличие актов XIV—XV вв. в столбцах XVII в. объясняется той земельной политикой, которую проводило в Пскове великокняжеское, а затем и царское правительство. После присоединения к Москве в 1510 году конфискация церковного и монастырского имущества не была произведена, все церкви и монастыри сохранили свои прежние владения. В 60-е годы XVII в. возникают два земельных спора: между Иваном Афанасьевичем Неклюдовым и Спасо-Мирожским монастырем по поводу участка земли по течению реки Мирожки и между Постником Федоровичем Нееловым и приказчиками трех псковских церквей на обводную, никому не принадлежащую землю. В качестве главного аргумента в обоих делах выступают харатейные грамоты республиканского периода [Марасинова 1966: 19].

В 1669 году, после указа, предписывающего раздавать «псковским дворянам и детям боярским вотчины по их челобитьям», количество подобных споров существенно увеличивается, и 27 июня 1669 года в Поместный приказ за указом, определяющим правовой статус старых грамот, был послан торопчанин Тимофей Большой. В 1670 году с челобитной к царю Алексею Михайловичу обращаются также псковские дьяки Данило Ганин и Мина Гробов, а в 1671 — архиепископ Арсений, который и указывает на историю и источники возникновения церков-

ного и общинного землевладения: «В прежние, государь, давние лѣта псковские посадники владѣли во Псковском и пригороцких уѣздах купленными вотчинными землями и рыбными ловли и санными покосы, и для спасения души при животѣ своем строили во Пскове и в уѣздах по погостом твое государево богомолье, каменные церкви и монастыри з большим украшением. А по смерти своеи да морового и в моровое повѣтрїе отдавали тѣ вотчинные земли на поминокъ и за вклады к церквамъ ж божиимъ и в монастыри с своими харатейными даными, которые из них писаны з большим заклїатїем, чтоб отниму у твоего государева богомолья после не было» [Марасинова 1966: 76]. На это 14 сентября 1671 года из Москвы была прислана грамота с указанием: «списать в книги слово в слово безо всякого мотчания [*так в рукописи; в изд. молчания*], описав дьячьи помѣты в тѣхъ книгах имянно, по чьей помѣте кому которое помѣстье или вотчина или монастырская или церковная или оброчная порозжая земля или нивы или рыбная ловля или санные покосы или какие всякие угодыя даны и по какому нашему указу» [Марасинова 1966: 80]. Однако крайняя раздробленность и размельченность церковного и монастырского землевладения приводила к тому, что далеко не все земли, на которые были представлены харатейные данные, были записаны в писцовые книги, ибо «всего уписать писцом было не вмѣстно»¹. Старинные харатейные данные хранились в церковных архивах и в XVIII в.: в июне 1721 года управитель Псковского архиерейского дома обратился с жалобой на посадских людей, старост приходских церквей, и псковские посадские люди предоставили в качестве доказательства харатейные данные и записи в писцовых книгах.

Именно эти особенности позволили Л. М. Марасиновой утверждать, что найденные в столбцах Поместного приказа грамоты не являются единственной возможной находкой подобного рода. И её гипотеза подтвердилась. В 2008 году в Древлехранилище Псковского историко-художественного музея-заповедника А. Б. Постниковым была обнаружена ранее не публиковавшаяся грамота, предположительно относящаяся к корпусу грамот, изданных Марасиновой. Грамота вклеена в переплет книги Указов Петра Первого 1724 года, туда же вклеены черновые документы 1731 года, что позволяет датировать список не позднее тридцатых годов XVIII века. До начала реставрационных работ представляется возможным прочесть лишь конец грамоты — шестнадцать строк, причем концы шестой, десятой, одиннадцатой

¹ Челобитная псковского архиепископа Арсения, псковских церковных и монастырских властей царю и великому князю Алексею Михайловичу о праве владения псковскими церквами и монастырскими землями по харатейным грамотам (1671 г.) [Марасинова 1966: 76].

и четырнадцатой строки при нынешнем состоянии документа разобрать невозможно. Текст написан скорописью, характерной для начала XVIII в. Далее конъектуры даются в угловых скобках, лакуны обозначаются многоточием.

...земли ^то великаго камня за упуть¹ да
 до пнева ручья а ^то пнева ручья да в кос<тач->
 ник^о огор^о а по огор^о костачникове да <в ве->
 ликую ель а из великого и ели² тою же ого<родою>
 в орловскую между у мокривичь да ^то^тле м<окри->
 вичи да осекомъ да и кроями до угла до...
 кой^х пожень до угла до кошелския³ пож<ни>
 да по шесникову землю по иванову огор<оду>
 да по опанасову ^но^ню огородою да по
 уласову землю да к воло^тчине земли ку...
 да ^то^тле володчине земли огородою да и...
 мы да из агороди⁴ да у велик^о камня
 до тог^о м^ѣста а та купля василью
^то^т кюриле в одерень а на то люди фо...
 да захарья ху^ткове

у тои крѣпости печать свинцовая

Примечания

¹ Так в ркп. ² Так в ркп. ³ Возможно, от названия деревни Кошельки Печерского района. ⁴ Возможно, следует читать «да и-загороди».

Грамота содержит ряд признаков древнего новгородско-псковского диалекта: так, написание *у* вместо *в* в позиции перед согласным *Уласову*, отражающее билабиальную реализацию фонемы <в>, характерно для западных говоров, в том числе и для псковско-новгородского диалекта [Зализняк 2004: 81]; северо-западным говорам свойственна и флексия -ѣ (графически выражаемая как *е*) в род. ед. твердого варианта *а-склонения: *о^т кюриле* [Зализняк 2004: 97]. Контекст грамоты не дает возможности с уверенностью установить, в каком числе стоит форма *ху^ткове*: им. п. ед. ч. с флексией -*е* или им. п. мн. ч. на -*тъ*; обе эти флексии, однако, являются характерными для псковско-новгородского диалекта [Зализняк 2004: 99, 109].

Неоднозначным представляется истолкование отрезка *изагороди* в двенадцатой строке, где возможен двоякий словораздел — как *и-загороди* (т. е. *из* + род. п. существительного *загородь*), так и *из агороди* (т. е. *из* + род. п. существительного *огорода*). В последнем случае данное сочетание могло бы служить еще одним из немногочисленных примеров изменения *o* в *a* после *ъ* [Зализняк 2004: 73] и одновременно отражало бы мену *ъ* (диалектной флексии род. ед.) и *и* [Зализняк 2004: 70], однако такая гипотеза в известной мере спорна, так как предполагает отражение сразу нескольких неординарных явлений в одном слове.

Обычной для всего восточнославянского ареала является замена *ф* на *п* в форме *опанасова*. Из синтаксических особенностей грамоты необходимо отметить сочетание предлога *подле* с двумя падежами — винительным и родительным: *пѡле м<окри>вичи* (вин. п. мн. ч.), *пѡле володчине земли* (род. п. ед. ч.).

На псковское происхождение грамоты указывает существительное *крой*, которое встречается лишь в корпусе грамот, изданных Марасиновой, — купчей Антона с братьями на село земли у Якима (первая половина XIV в.), меновой Олфери с Онаньей Гарбом на землю у Заборовского пути (XIV—XV вв.), раздельной Оксентия, Кузьмы и Карпа Мишатиновичей на земли в Залавде (1417—1434 гг.), купчей старосты церкви святых Кузьмы и Демьяна у Трофима на деревню Афонасово в Русках у Смоленского пути (XIV—XV вв.), купчей Максима посадника у Ермола на землю на реке Бойнице (середина XV — 1465 г.) и ободной вастечских сябров на Вастечскую землю (XV в.) — а также в грамоте № 346 «Грамот Великого Новгорода и Пскова». Слово засвидетельствовано в картотеке Псковского областного словаря цитатами из вышеперечисленных грамот², однако в 16-й выпуск Псковского областного словаря не вошло³. По-видимому, оно происходит от глагола *кроити* и обозначает «границу между отдельными участками». Марасинова отмечает, что «в новгородских и северо-восточных грамотах употребляется аналогичный этому термину по смыслу термин “грань”, “граница”: “А отвод земли: от Черные речки... по грани чистово болота по грани жо да в Черную реку, да рекою Черною вверх да по Яковли грани...” (АСЭИ, т. 1, №20, стр. 36), “А ободъ той землѣ... зъ Велкасьи рѣки на березовую границу..., и з березовой границы на каменую границу, с каменной границы... на вязовую границу...” (ГВНП, № 122,

² Картотека Псковского областного словаря, хранящаяся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ.

³ См.: [Псковский областной словарь 16].

стр. 180)» [Марасинова 1966: 184]. В других картотеках и словарях слово *крои* не отмечено⁴.

Таким образом, исходя из фонетических, морфологических и лексических особенностей текста можно предположить, что данный отрывок представляет собой список с псковской пергаменной грамоты XIV–XV вв., созданный в Пскове не позднее тридцатых годов XVIII в.

Литература

- Грамоты 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
Марасинова 1966 — *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966.
Новгородский областной словарь 1–12 — Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
Псковский областной словарь 1–19 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–19. СПб., 1967–2008.
СРНГ 1–42 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–42. Л.–СПб., 1965–2007.
СРЯ 1–29 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.

⁴ Картотека Псковского областного словаря, хранящаяся в Межкафедральной лаборатории региональных филологических исследований ППГУ им. С. М. Кирова. См также: [Новгородский областной словарь 1–12; СРНГ 15; СРЯ 7].